

Лирика Е. А. Боратынскаго.

Пора Боратынскому занять на русском Парнассѣ мѣсто давно ему принадлежащее“—такими словами начиналъ Пушкинъ свою статью о Боратынскомъ и, опредѣливъ дарованіе Боратынскаго, въ заключительныхъ строкахъ указывалъ „степень, ему принадлежащую“: „подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды“, т. е. Батюшкова.

Дружески относившійся къ Боратынскому, Пушкинъ выступилъ на защиту любимаго поэта, и послѣдующей критикѣ приходилось исходить изъ отзывовъ Пушкина о Боратынскомъ, соглашаясь съ ними или полемизируя,—такъ ярка и значительна характеристика творчества Боратынскаго, сдѣланная великимъ поэтомъ: „...Никто болѣе Боратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ... Боратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ... Никогда не тащится онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ...“

Таковъ высшій и пристрастный къ поэтическимъ достоинствамъ судъ Пушкина, намѣтившаго для будущихъ поколѣній оцѣнку творчества Боратынскаго и указавшаго на необходимость опредѣленія историко-литературнаго значенія поэзии „поэта мысли“.

И до сихъ поръ, какъ и во времена Пушкина, остался Бо-

ратынскій неопредѣленнымъ по достоинству, до сихъ поръ онъ не занялъ никакого мѣста „на русскомъ Парнассѣ“, довольствуясь названіемъ оригинальнаго и независимаго поэта Пушкинской плеяды, въ которой онъ занялъ одно изъ почетныхъ, но весьма неопредѣленныхъ мѣстъ.

Панегирики и памфлеты, направляемые по адресу поэта-мыслителя, еще болѣе затрудняютъ историко-литературную оцѣнку его, такъ какъ обособляютъ, отрываютъ отъ современной эпохи поэта, и безъ того достаточно обособленнаго и мало зависимаго отъ господствовавшихъ въ то время направленій и настроеній.

Указать отношенія поэзіи Боратынскаго къ поэзіи современной ему и къ поэзіи предшествующей эпохи, а также опредѣлить степень вліянія поэзіи Боратынскаго на послѣдующія поколѣнія—задача широкаго изслѣдованія о Боратынскомъ, на которое не претендуетъ настоящій очеркъ, представляющій только опытъ общей схемы и рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ развивалась лирическая дѣятельность Боратынскаго ¹⁾.

Трудность историко-литературнаго изученія Боратынскаго увеличивается вслѣдствіе того неопредѣленнаго, колеблющагося отношенія къ поэту, которое мы замѣчаемъ въ различные періоды дѣятельности поэта и послѣ его смерти. Очевиднымъ успѣхомъ пользовался поэтъ „для немногихъ“, какъ потомъ называли Боратынскаго, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда—и въ современной критикѣ и въ широкихъ кругахъ общества—слава его возростала вмѣстѣ со славой Пушкина, и когда онъ бывалъ неразлучнымъ и равнымъ спутникомъ общепризнаннаго генія Пушкина: въ то время къ имени Пушкина общее мнѣніе неизмѣнно присоединяло имя Боратынскаго и едва-ли не съ равнымъ интересомъ слѣдило за успѣхомъ обоихъ большихъ лирическихъ поэтовъ, развивавшихся независимо и пошедшихъ по разнымъ путямъ творчества, по которымъ не успѣвала слѣдовать широкая публика.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ своими новыми и независимыми путями творчества и мощными, крылатыми взмахами геніально-поэтической мысли и чувства заставлялъ прислушиваться къ себѣ и поражалъ воображеніе, вызывая въ сердцахъ читателей то горячее отвѣтное сочувствіе, то рѣзкое осужденіе отставшаго въ пониманіи происходящихъ явленій и событій

¹⁾ Эгюль о поэмахъ и прозѣ Боратынскаго, какъ занимающихъ особое положеніе въ творествѣ поэта, выдѣленъ нами изъ этого очерка литературной дѣятельности.

литературной жизни. Боратынскій въ это время былъ совсѣмъ потерянъ изъ виду съ его не широкимъ, особымъ, рѣзко индивидуальнымъ характеромъ поэзіи, за нимъ и по его пути не пошелъ никто, и, по свидѣтельству Пушкина, уединенный поэтъ „встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ“. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ поэзіи Боратынскаго въ это время является И. В. Кирѣевскій, тщетно обращающій вниманіе критики и публики на музыкально-поэтическую и поэтичско-философскую сторону творчества поэта, для пониманія котораго надо имѣть „и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ“,—критика и публика проходила мимо сумрачнаго поэта-индивидуалиста и „не дослушивала всѣхъ оттѣнковъ его поэтической мысли и чувства“. Мало замѣтной прошла въ русскомъ обществѣ даже смерть поэта, бывшаго когда-то одной изъ самыхъ великихъ надеждъ и предметовъ пристрастія, а выпущенная имъ въ 1842 году (за два года до смерти) книга „Сумерки“, по свидѣтельству М. Н. Логинова, „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она проситъ отъ потомковъ“.

Двѣ противорѣчивыя статьи Бѣлинскаго, возставшаго на поэта во имя идеи прогресса, въ общемъ сознаніи читателей поставили Боратынскаго на первое мѣсто среди всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, но во второй половинѣ XIX вѣка Боратынскій окончательно затерялся среди очень многочисленныхъ „поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ“, среди поэтовъ Пушкинской плеяды, интересъ къ которой былъ очень незначителенъ вплоть до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, до приготовления къ Пушкинскимъ торжествамъ въ 1899 году. Съ начала 90-хъ годовъ интересъ къ поэтамъ-созвѣздіямъ Пушкина и, въ частности, къ Боратынскому значительно возросъ какъ вслѣдствіе усиленнаго обращенія къ Пушкину и къ Пушкинской эпохѣ, такъ и вслѣдствіе культа Пушкинской формы среди новаго теченія въ русской поэзіи, выразившагося достаточно ярко въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка: новое теченіе производило свою генеалогію отъ Пушкина черезъ Боратынскаго, и весьма цѣпныя изслѣдованія о Боратынскомъ мы находимъ у одного изъ наиболѣе видныхъ и серьезныхъ представителей новой поэзіи—

у Валерія Брюсова. Столѣтній юбилей со дня рожденія Боратынскаго—въ 1900 году—вызвалъ также цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ иногда съ исчерпывающей полнотой рисуется поэтической обликъ ¹⁾ и мировоззрѣніе Боратынскаго, но въ которыхъ рѣдко затрогиваются вопросы историко-литературнаго характера, и едва намѣчается положеніе, которое занимаетъ Боратынскій среди поэтовъ Пушкинскаго кружка, какъ выразитель той стороны міросозерцанія и настроенія 20-хъ и 30-хъ годовъ, вѣянія которыхъ нашли себѣ меньшее отраженіе въ творествѣ Пушкина.

Тонкій знатокъ и цѣнитель поэзіи и поэтическаго чувства, опредѣлявшій поэтическое произведеніе, какъ „полное ощущеніе данной минуты“, Боратынскій такъ охарактеризовалъ свое творчество въ стихотвореніи „Муза“.

Не ослѣпленъ я Музой моею:
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Примаанивать изысканнымъ уборомъ,
 Игру глазъ, блестящимъ разговоромъ
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей спокойной простотой;
 И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдимъ осужденьемъ,
 Ее почититъ небрежной похвалой.

Прослѣдить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе необщаго выраженія какъ круга идей, волновавшихъ поэта, такъ и способовъ передачи, „необщее выраженіе“ въ формѣ, въ которую выливаются глубокія мысли поэта-пессимиста, пѣвца „Сумерекъ“—и составляетъ задачу настоящаго очерка, этюда къ изслѣдованію творчества Боратынскаго.

Творчество Боратынскаго можно съ достаточнымъ основаніемъ раздѣлить на три періода и разсматривать отдѣльно каждый вполне самостоятельный періодъ, сохраняющій связи съ прошедшимъ и предвѣщающій своими мотивами и выраженіемъ послѣдующій. Такое раздѣленіе на періоды не будетъ, слѣдовательно, разбивать цѣльнаго представленія объ извѣстной,

¹⁾ Укажемъ на статьи С. А. Андреевскаго. В. Я. Брюсова, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго и друг.

ярко окрашенной индивидуальностью поэзии Боратынского. Первый периодъ обнимаетъ собой время отъ 1819 года по 1827 годъ, когда Боратынскій подвелъ итоги цѣлой полосѣ своей жизни и творчества, издавъ сборникъ своихъ стихотвореній, на который онъ смотрѣлъ не просто какъ на собраніе разныхъ стихотвореній, а какъ на извѣстный итогъ, цѣльность которому онъ хотѣлъ придать переработкой стихотвореній; второй периодъ—съ 1827 по 1835 годъ: въ 1835 году Боратынскій подвелъ вторично итогъ всему прошедшему, собравъ не только все (или почти все), написанное имъ послѣ 1827 года, но и включивъ въ изданіе сборникъ 1827 года, подвергшійся вновь переработкѣ; наконецъ, третій периодъ—съ 1835 по 1842 годъ,—охарактеризованный и представленный Боратынскимъ его послѣднею книжечкой стиховъ, вышедшею подъ заглавіемъ „Сумерки“ (первоначально поэтъ предполагалъ назвать этотъ сборникъ „Снами зимней ночи“).

Мы не касаемся другихъ двухъ периодовъ въ творествѣ Боратынскаго — подготовительнаго (до 1819 года) и заключительнаго (1842—1844 г.г.), такъ какъ для сужденія о первомъ не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, и приходится догадываться о сложномъ пути поэта въ выработкѣ фактуры стиха и въ выборѣ образцовъ для подражанія по одному-другому обрывку, свидѣтельствующему о томъ, что музыкальная выразительность и пластическая точность и мѣткость стиха стоили Боратынскому очень большой работы. Что касается до творчества Боратынскаго послѣ периода, обозначеннаго имъ, какъ „Сумерки“, то смерть пресѣкла творчество Боратынскаго въ самомъ началѣ его новаго пути и дала просторное поле для догадокъ и мало данныхъ для заключеній достовѣрнаго характера.

1.

Очевидный, несомнѣнный успѣхъ, которымъ пользовался Боратынскій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, говоритъ за то, что первый периодъ литературной дѣятельности поэта былъ внутренне связанъ общностью интересовъ съ современною ему жизнію и литературой и отвѣчалъ требованіямъ, предъявлявшимся къ послѣдней; размѣры же этого успѣха говорятъ о томъ, что онъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и, можетъ быть, характерныхъ поэтовъ того періода, который далъ русской поэзіи Пушкина и цѣлую плеяду его созвѣздія. И дѣйствительно, къ первому периоду поэтической дѣятельности Боратынскаго вполне приложимо это названіе одного изъ крупнѣйшихъ

созвѣздій Пушкина—не въ томъ смыслѣ, что онъ подражалъ Пушкину, увлекаемый могучею чародѣйною силою Генія, а въ другомъ отношеніи—въ томъ, что тѣ же причины, которыя вызвали большое оживленіе въ нашей поэзіи въ началѣ вѣка и придали извѣстный отпечатокъ творчеству молодого Пушкину, тѣ же самыя причины вызвали къ жизни и элегическую лиру Боратынскаго. Сила личнаго вліянія Пушкина на юныхъ поэтовъ, выступившихъ почти одновременно съ нимъ, была очень велика, но не слѣдуетъ преувеличивать ее или считать исключительной въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ и независимомъ лирическомъ дарованіи, которое справедливо признавалъ Пушкинъ въ Боратынскомъ. Большая заслуга Боратынскаго перваго періода заключается въ томъ, что онъ *вмѣстѣ съ Пушкинымъ* открывалъ невѣдомыя и необъятныя, безграничныя возможности въ русскомъ поэтическомъ языкѣ и вмѣстѣ съ Пушкинымъ обогащалъ и оживлялъ литературу новыми, глубокими и задушевыми мотивами, способствовалъ тому расширенію круга идей и образовъ, настроеній и формы, которое въ то время хотѣли понимать какъ побѣду романтической школы надъ классической.

Боратынскій получилъ приблизительно такое же поэтическое образованіе, какое получилъ и его геніальный сверстникъ, и въ меньшей степени сохранялъ связи съ классическими традиціями XVIII вѣка: новые романтики были въ гораздо большей степени классиками, чѣмъ даже сами подорвали, и являлись порой не только завершителями, но и болѣе совершенными выразителями цѣлаго круга идей и настроеній XVIII вѣка, не говоря уже о томъ своего рода культѣ совершенной, классически-точной изящной формы, порой внѣшне изящной, который былъ какъ-бы обязательнымъ для поэтовъ Пушкинскаго кружка. Въ 1830 году Пушкинъ обращался къ вельможѣ Екатерининскихъ временъ—князю Н. Б. Юсупову—со словами, въ которыхъ выражаетъ своего рода символъ вѣры XVIII вѣка:

Ты понялъ жизни цѣль, счастливый человекъ:
Для жизни ты живешь.

но и Пушкинъ, и Боратынскій не уставали въ началѣ своей литературной карьеры повторять этотъ принципъ и, то въ вихри порывѣ, то съ тоской въ груди и грустной душой, воспѣвали изящный эпикуреизмъ въ той формѣ, какую онъ принялъ въ концѣ XVIII вѣка, съ легкими радостями и легкими печалями. Пушкина въ Лицеѣ называли францу-

вомъ вслѣдствіе обширнаго знакомства его съ французской классической поэзіей; о Боратынскомъ не только въ 1823 году его другъ, Дельвигъ, говорилъ, что авторъ посланія „къ Богдановичу“— „правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“, но и позже, въ 1826 году, самъ поэтъ долженъ былъ защищаться передъ Пушкинымъ въ томъ, что онъ „не до такой степени Маркизь, чтобы не чувствовать красоту романтической трагедіи“, и не переставалъ своими симпатіями въ большой степени принадлежать XVIII вѣку. И Пушкинъ, и Боратынскій прошли черезъ школу французской поэзіи XVII и XVIII вв. и ея отраженій въ русской литературѣ XVIII вѣка, что не могло, конечно, не отразиться и на всемъ характерѣ ихъ поэтической дѣятельности, какъ въ отношеніи идейнаго содержанія, такъ и въ чисто-формальномъ отношеніи, но эстетизмъ XVIII вѣка получилъ въ ихъ произведеніяхъ болѣе широкое развитіе и, пройдя черезъ теоріи романтическія, выразился въ культѣ искусства и проповѣди полной самостоятельности и независимости искусства отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ и этическихъ нормъ. Отличіе Боратынскаго отъ Пушкина въ ихъ отношеніяхъ къ XVIII вѣку заключается, быть можетъ, только въ томъ, что Пушкинъ гораздо раньше испыталъ на себѣ воздѣйствія мечтательно-романтической музыки Жуковскаго и другихъ романтиковъ и рано познакомился съ поэзіей Байрона, между тѣмъ какъ кругъ поэтическихъ симпатій Боратынскаго, долгое время ограниченный поэтами французскаго классицизма, расширился гораздо позже, когда онъ уже созналъ себя, какъ опредѣленную поэтическую индивидуальность, и былъ менѣе воспримчивъ къ юношескому увлеченію новыми симпатіями. Слѣдствіемъ такого поздняго знакомства Боратынскаго съ новыми, романтическими поэтами, было то, что онъ болѣе сознавалъ свои связи съ XVIII вѣкомъ, и медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ отъ старыхъ позицій, занятыхъ имъ подъ воздѣйствіемъ того поэтическаго воспитанія, которое онъ получилъ въ старой школѣ. Основательное знаніе классицизма и романтизма продиктовало Пушкину извѣстный стихъ въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Два вѣка ссорить не хочу;

тѣ же причины способствовали развитію въ Боратынскомъ свободнаго взгляда на смѣну направленій и вкусовъ, и въ стихотвореніи, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, онъ говоритъ очень знаменательныя для Пушкинской эпохи слова:

Равны всѣ музы красотой,
 Несходства ихъ въ одной одеждѣ:
 Старайся нравиться любой,
 Но полюби ты Феба прежде.

Боратынскій отлично зналъ французскую литературу XVII и XVIII вв., но наибольшее вліяніе на его поэзію оказали Вольтеръ, Делавинь, І. Шенье, Лафаръ и, въ особенности, элегическая школа конца XVIII вѣка: Парни, Мильвуа и А. Шенье. Изъ русскихъ поэтовъ XVIII вѣка Боратынскій испыталъ на себѣ несомнѣнное вліяніе Державина и Богдановича: у перваго Боратынскій учился краскамъ, живописи, той особенности дарованія Державина, которая позволяла ему облекать въ плоть и кровь живыхъ, яркихъ, красочныхъ образовъ порой отвлеченныя понятія¹⁾; Богдановича Боратынскій любилъ за граціозность шутки, подъ которой часто крылась болѣе глубокая мысль, и цѣнилъ его за отчетливость формы—отклики вліянія Богдановича мы находимъ еще въ „Послѣдней Смерти“, страннымъ образомъ напоминающей какъ по формѣ, такъ и по мысли, уклонившейся отъ того пути, по которому она развивалась у Богдановича, „Сугубое Блаженство“ послѣдняго.

Но тотъ Боратынскій, какимъ мы его знаемъ со времени его выступленія „въ нежеланную извѣстность“, былъ бы немислимъ, если бы въ его рѣзко-индивидуальной натурѣ не встрѣтились воздѣйствія французскихъ и русскихъ писателей XVIII вѣка съ воздѣйствіями двухъ великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка—Жуковского и Пушкина.

Вліяніе пластической поэзіи Батюшкова было значительнымъ въ творествѣ Боратынскаго²⁾, но еще большее вліяніе на поэта оказала идеалистически настроенная меланхолическая муза Жуковского. Подъ вліяніемъ Жуковского Боратынскій готовъ былъ отождествлять поэзію и добродѣтель и выбралъ элегическій родъ поэзіи, въ которой главнымъ учителемъ его былъ Жуковскій, пѣвецъ прекраснаго, надъ которымъ очень задумывалась въ то время рѣзвая младость. Вліяніе Пушкина, почти неуловимое, съ трудомъ опредѣляемое, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что изыщ-

¹⁾ Въ частности, можно указать на вліяніе Державинскихъ картинъ Смерти и Осени.

²⁾ Вопросъ о вліяніи Батюшкова на Боратынскаго разсмотрѣнъ нами въ замѣткѣ: „Батюшковъ и Боратынскій“.

ный, отчетливо - ясный стихъ Боратынскаго образовался въ связи съ совершенствовавшимся стихомъ молодого Пушкина, такъ, что порой трудно отличить фактуру стиха Боратынскаго (рѣчь идетъ о первомъ періодѣ литературной дѣятельности поэта) отъ фактура стиха Пушкина. Быть можетъ однако, наибольшая образующая сила вліянія Жуковскаго и Пушкина заключалась въ новомъ свободномъ поэтическомъ мірѣ, открывшемся въ ихъ творествѣ передъ Боратынскимъ, и въ признаніи индивидуальнаго начала въ поэзіи,—то, что помогло Боратынскому найти самого себя и выразить себя въ формахъ, создавшихся подъ вліяніемъ какъ старой, такъ и новой поэзіи. Сила оригинальнаго поэтическаго таланта Боратынскаго была такъ велика, что даже въ первомъ періодѣ его лирики постороннія вліянія учитываются съ трудомъ, и рѣзко проступаетъ оригинальная и интересная личность поэта, послѣ 2—3 стихотвореній завоевавшего себѣ независимое положеніе крупной поэтической силы.

Болѣе всего поддается учету зависимость формы Боратынскаго и нѣкоторой условности отъ его руководителей въ новой для него области творчества, и зависимость поэта отъ французской поэзіи сказывается яснѣе и опредѣленнѣе всего въ классификаціи стихотвореній Боратынскаго, являющейся вполне умѣстной и естественной въ первомъ періодѣ дѣятельности поэта-лирика. Всѣ стихотворенія Боратынскаго, написанныя до 1827 года, легко классифицируются подраздѣленіемъ на пять отдѣловъ: посланія, эпиграммы, эротическія стихотворенія (можетъ быть, точнѣе—*poésies légères*), стихотворенія на случай (то, что относилось самимъ поэтовъ въ отдѣлъ „Смѣси“) и элегіи.

Что касается до перваго отдѣла, до посланій, то его можно разбить на два подотдѣла: лирическія стихотворенія, напоминающія стихотворныя посланія и посвященія Пушкина и Жуковскаго и часто переходящія въ элегіи (таковы, на примѣръ, посланія къ барону Дельвигу и Н. М. Коншину), и дидактическія посланія, построенныя по образцамъ французскаго классицизма, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію барона Дельвига, пробивается „холодъ и суевѣріе французской школы“, и которыя цѣлыми отдѣлами напоминаютъ *épîtres* Вольтера, Делавиня и въ особенности „*Sur l'indépendance de l'homme des lettres*“ и другія посланія Мильвуа (таковы, на примѣръ, посланія къ Богдановичу и къ Гнѣдичу).

Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о „мастерскихъ, образцовыхъ“ эпиграммахъ Боратынскаго и называлъ ихъ „малень-

ними сатирами, столь забавными и язвительными“, находя, что у Боратынского „сатирическая мысль приѣмлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства“. Намъ кажется весьма справедливымъ этотъ отзывъ Пушкина, какъ справедливыми и слова П. А. Плетнева о томъ, что многихъ эпиграммы Боратынского заставляли смѣяться до слезъ, и острое слово поэта, мѣткое и язвительное, попадало въ больныя мѣста; но справедливо, кажется, отмѣтить и то, что первыя (весьма многочисленныя) эпиграммы Боратынского представляютъ сколки съ французской эпиграммы, какъ „un bon mot de deux rimes orné“, и потому тщетно доискиваться, кого имѣетъ въ виду Боратынскій подъ стереотипами „Дамоновъ“: первыя эпиграммы Боратынского не имѣютъ личнаго характера, и только съ постепеннымъ развитіемъ таланта приобрѣтаютъ право на отзывъ Пушкина; справедливымъ кажется намъ отмѣтить также и то, что пристрастіе Боратынского къ эпиграммамъ, маленькимъ сатирамъ, пристрастіе, идущее какъ бы въ разрѣзъ съ природой поэтическаго таланта, чуждавшагося сатиры и полемики, недолюбливавшаго журналистовъ и журналистики, объясняется въ большой степени его увлеченіемъ французской классической эпиграммой.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

